

В ОБСТАНОВКЕ БОЛЬШОГО ТРУДОВОГО ПОДЪЕМА

Вся страна живет под впечатлением одного из самых волнующих документов наших лет — проекта Директив ХХ съезда КПСС по шестому пятилетнему плану. В городах и селах идут собрания, беседы, читки, на которых горячо, взволнованно обсуждается каждый раздел проекта Директив. И всюду, где бы ни проходили эти собрания — на промышленных предприятиях или в научных институтах, в колхозных селах или в учреждениях, на стражах или в издательствах — всюду советские люди с огромным патриотическим подъемом встречают предложенную партией программу нашего роста, неизданную по своим масштабам, по своим научным и техническим дарованиям.

Проект Директив одобряется всем народом. Телеграммы с мест полны сообщений о нарастании темпов работы, выпуске дополнительной продукции, пуске новых предприятий — о множестве фактов, говорящих о большом воодушевлении в народе.

* * * Вскрыт новый нефтеносный горизонт в предгорьях Главного Кавказского хребта. В дни предсъездовского соревнования в долине Терека получена первая нефть из двух высокодебитных фонтанов. Нефть обнаружена на глубине 3—3,5 тысяч метров.

* * * Новые опытные машины созданы на Челябинском тракторном заводе. Их мощность — 140 и 250 лошадиных сил. Производство таких машин предусмотрено в проекте Директив. Начинаются испытания обоих тракторов.

* * * Сдан в промышленную эксплуатацию новый обогатительный, полностью механизированный корпус Мундыбашской агломерационной фабрики (Ставрополь).

* * * Такие сообщения идут со всей страны. Высокий трудовой подъем — одна из характерных особенностей всенародного обсуждения проекта Директив.

Людям моего поколения особенно понятно это душевное волнение. Мы горды, что были участниками уже пяти пятилеток. Мы реально ощущаем трудовые усилия советского народа и видим плоды народного созидательного труда. На свою долю выпало на заре юности видеть, участвовать и переживать зарождение первой коммуны Магнитогорска — первенца первой пятилетки. С тех пор советские люди и страна прошли большой трудовой путь.

Когда-то А. М. Горький с радостным волением утверждал: «Превосходная должность — быть на земле человеком!». Истинно так! Ибо самое великое счастье, когда человек ощущает плоды своего труда. И не только мы, советские люди, но и наши друзья и даже врачи за рубежом видят, какую честь стала несокрушимой Советской деревне. И все это благодаря вдохновенному труду советских людей!

Читываясь в проекте Директив ХХ съезда партии, видишь, какой крутой подъем нам предстоит взять. Коллективный разум нашей Коммунистической партии проходит гордый и неуклонный ленинский путь — создавать все на благо советского труженника.

Это сознают советские люди. Вот почему с огромным энтузиазмом трудятся они на всех участках народного хозяйства. Почти непрерывно мы видим солнечное озарение в литецехах Кировского завода. Изо дня в день там ведутся скользкие плавки... С восхищением смотрящий на огромные турбины, изготовленные на заводе имени Сталина... Восхищенный героями труда рабочих Урала, Донбасса, трудовые победы колхозного крестьянства...

Каждый знает: будущее страны зависит от него, от его личных усилий, от его

ленинград

ремеслом дела. — И, не-
много помолчав, добавил: — А когда мой сын

кончал школу, я даже вообразил не мог, в какой специальности он будет побывать: он стал инженером по радиолокации.

Темпы нашего развития ускоряются. Теперь счет пошел не на поколения, а на пятилетки. Новый план говорит уже не только о наращивании мощностей и увеличении объемов — это план великих качественных изменений, план новой промышленно-технической революции. В плане упоминается о делах, которые невозможны было бы даже предвидеть в прошлой пятилетке. Разумеется, можно было бы сказать, что планы для литератора таинственны, неисчерпаемы материал о будущих подвигах его героев, новых научных открытиях, о страстной самоотверженной борьбе людей, чья деятельность воплощает планы в живую действительность.

Застыла на уже достигнутом, решенном, знакомом, не видеть этих изменений — крушение для литератора. Участвовать своим творчеством в этих изменениях — великое счастье.

Всего год назад, заглядывая в будущее, мы говорили о необходимости получать десять миллиардов пудов зерна в год. А теперь в проекте Директив на 1960 год намечено собрать урожай в одиннадцать миллиардов пудов. Но один миллиард пудов больше, и не только потому, что этот миллиард пудов необходим хозяйству, но и потому, что, опираясь на решения пленума ЦК, открывая все новые резервы, советские землемеры всей своей деятельностью в прошлом году доказали, что это повышенное задание реально. Так, несомненно, на всю огромность наших планов, жизнь обогащает их.

Думая об удивляющих весь мир темпах нашего развития, я вспоминаю свой разговор с одним из старых мастеров советской кинематографии.

— Раньше профессии наследовались из поколения в поколение, — сказал он, — сын шел по стопам отца, внук занимался

Ген. Фиш

◆ ◆ ◆

республики участвуют

в коммунистическом

строительстве.

В шестой пятилетке будет введена в действие Каунасская ГЭС. Немало раскроет свою мощь. И во многих городах Республики, в тысячах колхозов из них вспыхнет электрический свет из труб, которые он приведет в движение. Будет построен и пущен ряд крупных заводов и среди них — завод телевизионной аппаратуры.

Сотни тысяч гектаров заболоченной земли изброят каналы, чтобы и она стала плодородной. Население республики получит больше продуктов сельского хозяйства, быт трудающих станет лучше, прекраснее. Вот почему рабочие и колхозники Республики, работники науки и искусства с чувством глубокой любви к родной Коммунистической партии встретили проект Директив ХХ съезда КПСС. Они полны решимости отдать все силы для того, чтобы эти планы стали явью.

Программа новых великих работ мобилизует и сплачивает писателей Республики для новых творческих побед. Поэтому понятно то воодушевление, с которым трудающимся советской Литовской

Алексас БАЛТРУНАС

vilnius

Награждение писателя Н. Н. Михайлова

орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета ССР за заслуги в области развития советской научно-художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения писателя Николай Николаевич Михайлов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 9 (3510)

Суббота, 21 января 1956 г.

Цена 40 коп.

ПО-ЛЕНИНСКИ!

Что же, так, наверно, и раньше было — вередил: он оставил свой кабинет — уехал к рабочим «Трехгорки» или в поломосковскую деревню Кашино, где впервые зажигался электрический свет; читал лекции о государстве в Свердловском университете или веселился с ребятишками на празднике новогодней елки.

В кабинете тогда становилось тихо-тихо. Молчали телефонные аппараты. Застыла на месте эта же елка — «вертушка» с радио-ми-самих нужных книг.

Так было всегда...

Мы думаем об этом сегодня, входя в кремлевский кабинет первого председателя Совнаркома. Молчат телефонные аппараты, недвижима книжная елка — «вертушка»... Но и сегодня, как и тогда, держит самое главное для победы нового общественного строя.

Это — ленинская вера в народ, ленинское внимание и безграничное уважение к трудающимся.

Так было всегда...

Во многих работах Ленина легко можно обнаружить следы бесед с сибиряками крестьянами, окружавшими его в годы ссылки, и с простыми людьми Швейцарии, с которыми встречался он в годы эмиграции, и с рабочими «Трехгорки», избравшими Ленина своим депутатом в Московский Совет. Простые люди были не просто собеседниками Владимира Ильича, — рассказывали их, он выяснял мнение народа по самым большим, самым важным вопросам политики и экономики. И такому пристальному изучению жизни, техническому общению с народом Ленин учил своих соратников в группе «Если наблюдать», — писал о Алексее Максимовиче Горькому в 1919 году.

— надо наблюдать внизу, где можно обзореть работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне... Только так, указывал Владимир Ильич, можно правильно «отделить разложение старого от ростка нового».

А как умел это делать сам Ленин! Читая газеты, Владимир Ильич отыскивал в скучных заметках и письмах трудающихся драгоценные крупицы будущего, свидетельство зарождения нового, молодого, растущего. Он «доправил» товарищей, побывавших на периферии, о том, что видели они в городах и деревнях. Он требовал от редактора «Бедноты» регулярных присылок сведений о поступивших в редакцию крестьянских письмах, подчеркивая необходимость изучения производительности труда, об охране народного пуха, угля, мелаза и других продуктов, досягнувших высокого качества.

«Если наблюдать», — писал о себе Владимир Ильич, — я буду наблюдать за бумагой... Время от времени Ленин на короткое время задерживается, перечитывает написанное и сильно проводит пером под отдельными строками, выделяя особо важное, главное. «Коммунизм начинается там, где появляется самогенерация, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране народного пуха, угля, мелаза и других продуктов, досягнувших высокого качества...».

Эти ленинские подчеркивания — средство еще лучше сосредоточить нашу мысль на решении.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что рост производительности труда является предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всего советского народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый из нас, где бы он ни трудился, может и должен сам, лично внести свой вклад в дело выполнения шестой пятилетки, внести свою лепту в достижение нового серьезного пульса производительности труда, являющегося решающим условием выполнения заданий по увеличению производства и дальнейшего повышения благосостояния всей страны, всего народа.

Ленин обращает наше особое внимание на то, что предметом заботы «рядовых рабочих» — каждого из нас. Значит, каждый

Наступление на Ангару

Небольшая железнодорожная станция Тайшет никогда прежде не знала такого оживления. Транссибирские поезда, прибывающие с юга и с востока, останавливаются здесь множество людей. Пассажиры устремляются к временному зданию вокзала на новой дороге, проложенной сквозь вековую тайгу к реке Лене. Большинство держит путь в Братск.

Смелые, предприимчивые люди. Они составляют ядро, вокруг которого складывается крупный строительный коллектив у грядущего Падунского порога.

Главный опорный пункт наступления на Ангару — это Падунский строительно-монтажный участок. От старого Братска сюда ведет новое 35-километровое шоссе. По нему курсируют многоместные пассажирские машины первой в этих краях автобусной линии. Меньше чем через час кондуктор объявляет остановку: «Зеленый городок!». За несколько месяцев посёлок вытянулся вдоль берега почти на километр.

Падунский порог умолк лишь в декабре, когда удалили соронаградусные морозы. Могучая река и после этого не раз пробивала ледяную броню и снова затихала.

Ангара — очень своеобразная река. Её течение разнообразно в течение всего года. От истока до устья реки — 1800 километров, и ее русло на этом протяжении меняется почти на 380 метров. Столь большое падение и многообразность — основа ее энергетической мощи. Природа так бы специально соединила эту реку для сооружения крупнейшей гидростанции — мощностью в 3 миллиона 200 тысяч киловатт.

Дешевая электротехника, которую будут вырабатывать мощные гидроэлектростанции на Ангаре и Енисее, позволит еще быстрее двинуть вперед развитие сибирской индустрии и вызовет к жизни несметные естественные богатства Ангаро-Енисейского таежного края. Здесь в ближайшее время возникнет новый гигантский индустриальный центр.

Многое железной руды хранят недра Ангаро-Илимского месторождения. С севера и этому богатейшему железорудному массиву примыкает неисследимый Тунгусский каменноугольный бассейн.

Широкое развитие в Иркутской области получает алюминиевая, химическая и другие отрасли промышленности. Далеко вперед шагает электрификация железорудного транспорта, дешевая энергия подает на колхозные и совхозные поля.

Особое место занимают лесные богатства Приангарья. В районе Братска будут построены лесохимические предприятия. Изменится облик и самой Ангары. Она будет питать своими водами цепь искусственных морей. Самое большое из них — Братское глубинное в 100 метров займет около 600 тысяч гектаров. После перекрытия русла Ангары плотиной уровень воды повысится и в древнем Байкале. Ангара станет судоходной на всем протяжении.

Индростроителям предстоит в условиях сурового климата и тяжелого ледового режима реки воздвигнуть плотину протяженностью около 5 километров, соорудить гидростанцию и смонтировать уникальные агрегаты. На Братской ГЭС будут установлены турбины мощностью по 200—250 тысячи киловатт, то есть каждая превзойдет по мощности, например, Цимлянскую гидростанцию.

Строители за короткий срок обжили тайгу. Кроме Зеленого города, крупный поселок вырос на станции Братск-1 с гаражами, складами и подъездными путями. От основной магистрали Тайшет—Лена проложена ветка в еще один новый поселок — Осиновку на правом берегу Ангары.

Гидростроители распологаются основательно. Многие переселились с семьями, поставили свои дома. Сооружаются школы, столовые, магазины, пекарни, клубы, детские и медицинские учреждения. Начала выходить и свою газету «Огни Ангары».

В обществах, принятых в честь предстоящего ХХ съезда НПСС, гидростроители дали слово в первом квартале текущего года сплыть сильные 18 тысяч квадратных метров жилой площади, в том числе 10 тысяч — ко дню открытия съезда.

На станции Братск один из других призывают эшелоны с техникой и материалами. Идут грузы из Москвы и Ленинграда, с Украины и Урала, из Иркутска и с Дальнего Востока. Нередко на ящиках, в которые упакованы машины, можно увидеть надпись: «Сделано срочно, в подарок Ангаре!»

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

БРАТСК

На снимке: экскаватор за погрузкой гравия в автомашину на строительстве Братской ГЭС. На втором снимке: в редакции газеты «Огни Ангары» — редактор М. Соловьев и литературный сотрудник П. Ланда.

Фото В. Темина

В ПОИСКАХ ЖИВОГО ДЕЛА

БОЛЬШАЯ СИЛА

Борзову — городу на древней русской владимиро-суздальской земле — уже немало стоят. Годы дают о себе знать. Ведь Борзов вырос из посада, где кто как мог и хотел, так и устраивался.

Чем быстрее и активнее растет город, расширяется его промышленность, увеличивается население, тем сложнее руководить городским хозяйством. Но как бы ни были разномощные и сложны задачи, в городе есть люди, способные их решать.

Городской Совет — это ведь не только аппарат, ограниченный штатом и другие отрасли промышленности. Далеко вперед шагает электрификация железорудного транспорта, дешевая энергия подает на колхозные и совхозные поля.

Многое железной руды хранят недра Ангаро-Илимского месторождения. С севера и этому богатейшему железорудному массиву примыкает неисследимый Тунгусский каменноугольный бассейн.

Когда сидишь в кабинете председателя Борзового горисполкома, то кажется, что в работе городского Совета все гармонично. Был вопрос о зетроне, найдется папка, доказывающая, что ничего не ускользает из поля зрения городских руководителей. Вглядываясь в отчеты и планы, сопоставляя их с похождениями избирателей, убеждаешься: все учтено.

Наказы или по мере сил выполняются или по мере возможностей намечены к выполнению. Если имеются упущения, обязательно находятся оправдательные документы или доводы: «сталинские вопросы», но не отступки средств, «ничего не можем сделать — решение области».

Но вот заходит речь о работе депутатов. Председатель горисполкома Александр Федорович Папин вынимает из несгораемого шкафа тетрадь в кожановом переплете. В ней 233 фамилии передовых людей города. Население Борзова доверяет им заботу о городе его будущем, о национальных вопросах своего бытия.

Александр Федорович, листая страницы, называет десятки фамилий активных депутатов.

— А как остальные?

— Не вылезают. Большинство нормально работает в комиссиях, выполняет поручения. Но есть немало таких депутатов, которые почти не проявляют активности. Их труду расшевелить. Пытаемся привлекать, нарушать, но... руки Папина безнадежно опускаются на стол.

ТОЛЬКО ПОРУЧЕНИЯ

Эксаваторный завод и его люди — город Борзов. Как же получилось, что в городском Совете представители такого передового коллектива весьма неприметны?

Экономисты цеха Александра Васильевича Кудимова — активная общественница. В прошлом году комсомольцы избрали ее секретарем заводского комитета ВЛКСМ, и Кудимова хорошо проявила себя.

Однако, когда заходит разговор о ее депутатской деятельности, Александра Васильевна густо краснеет.

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

БРАТСК

— Это трудная для меня тема, — смущенно говорит она. — Большинство моих избирателей — юноши и девушки, живущие в общежитиях. Надеялась, что смогу об их нуждах и стремлениях поговорить с отделом народного образования, горкомом комсомола, а я... вот посмотрите, — она достала из письменного стола повестку, — обсуждала на бюджетной комиссии вопросы сберегательных касс!

— Зачем же вы выбрали бюджетную комиссию?

— Меня и не спросили, где хочу работать. Прочитала в акте, что я образование экономист, и зачислили «по специальности». И самое неслепое, что эта комиссия за семь месяцев лишь дважды вызывала меня на заседания.

Будимова пытались найти свое место в жизни городского Совета, но не смогла. никто не подсказал молодому депутату, как выполнять свои общественные обязанности.

Михаил Васильевич Пименов — старший мастера теплосетевого хозяйства — много лет знает на заводе. Это старый кадровик, во всем существе которого чувствуется ревностное беспокойство хозяина цеха, предприятия, города. В феврале прошлого года земляки избрали Пименова депутатом Владимира областного и Борзового городского Советов.

Кто, как не он, позаботится о своих избирателях, о нуждах родного города? Но когда Михаил Васильевич говорит о городских делах, в его голосе звучит беспокойство.

— Растем, на глазах меняется Борзов... Мужает, переодевается... Но выявляют и нелепости. Фонты разноцветный проектируем, а о прачечной с доводами же пишем, революции накладываем, и все без пользы. А ведь тысячи молодых рабочих в общежитиях живут. Где им постирать белье?.. Театр у нас есть, это хорошо, а вот культурное поведение молодежи недалеко, ой, как недалеко...

— Это большие вопросы. Они для блага всего города требуют внимания, смекалки, дела...

— Как депутат — хозяин города, вы...

— Хозяин-то хозяин, — перебивает он. — В цехе, на заводе «своим» считается, а в городском «своим» — только поручения выполняния.

Людмила Михайловна говорит о том, как выяснила задачи городского Совета, его депутатов, на котором он будет избран. Но следует помнить депутату найти этот участок, выработать государственный стиль работы. Нужна организующая, направляющая роль исполнителя.

Наказы и предложения после выборов Борзова переданы в Горсовет. Там их распределяют по отдельным комитетам, а депутаты реализовывают. А депутат оказался в стороне от этого дела.

Людмила Михайловна говорит о том, как выполнила задачи городского Совета, его депутатов, на котором он будет избран. Но следует помнить депутату найти этот участок, выработать государственный стиль работы. Нужна организующая, направляющая роль исполнителя.

Для каждого депутата в городском Совете есть участок работы, на котором он будет избран. Но следует помнить депутату найти этот участок, выработать государственный стиль работы. Нужна организующая, направляющая роль исполнителя.

Множество мелких, но очень по-деловым дел взвалы на свои плечи Евгений Александрович Абов. К ис-

полнителю предъявлены высокие требования.

За последние десять-пятьдесят лет неизвестно, изменились ли лицо и хозяйствство города, но методы руководства им остались старые. И раньше, когда Борзов был районным центром, и сейчас, когда он стал крупным промышленным городом областного подчинения, исполнитель пытается с помощью ограниченного, но большого числа активистов «выгнать» всю работу.

Беспространно, среди депутатов города есть немало плющиворно работающих на своем посту. Но задачи, которые решает Совет, требуют, чтобы каждый из 233 депутатов занял свое место, играл ту роль, в которой он наиболее полно раскроет его возможности. Жизненный опыт знания депутатов, их повседневная связь с избирателями дадут городскому Совету ту силу, которой сегодня ему не хватает.

Леонид ЛУБАНЬ, специальный корреспондент «Литературной газеты» КОРОЛЕВСТВО

БОЛЬШАЯ СИЛА

БОРЗОВ

ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

и обращаются десятки горожан по самым разнообразным вопросам.

Шестидесятилетний человек, уважаемый модельщик фабрики имени Абельмана, выполняет поручения избирателей, третий не только часы в приемных, но шагает по учреждениям за материалами, суварами, винами. Но почему в учреждениях города с депутатом порой говорят, как с надеющимся жалобником, не знаю.

Пробовал ли Евгений Александрович использовать свое депутатское право на внеочередной прием у любого руководителя? Нет, здесь это не принято. Не пользуются он и данным ему правом контроля учреждений, обслугивающих избирателей.

Что же случилось, какие обстоятельства изменили ее отношение к общественным обязанностям?

Никто из членов исполнительного комитета не встремился к Борзовской, не разговаривал с ней. Четыре года она в жизни комиссии, но и здесь не поинтересовалась, почему Борзова не приступил к работе. Ответ мы получили от самой Людмилы Михайловны.

— Я выполнила много различных поручений жилищной комиссии, — сказала она. — Придешь, поговоришь, все выяснишь, ищешь и нередко находишь как будто целесообразное решение. В Борзове принял почетную сессию, выступил на вопросах подотчетных, заслушал запросы депутатов, ставиться на заседании с вопросами, обсуждаться те «текущие дела», о которых часто забывают исполнителю.

За последние десять-пятьдесят лет неизвестно, изменились ли лицо и хозяйствство города, но методы руководства им остались старые. И раньше, когда Борзов был районным центром, и сейчас, когда он стал крупным промышленным городом областного подчинения, исполнитель пытается с помощью ограниченного, но большого числа активистов «выгнать» всю работу.

Беспространно, среди депутатов города есть немало плющиворно работающих на своем посту.

Но задачи, которые решает Совет, требуют, чтобы каждый из 233 депутатов занял свое место, играл ту роль, в которой он наиболее полно раскроет его возможности.

Жизненный опыт знания депутатов, их повседневная связь с избирателями дадут городскому Совету ту силу, которой сегодня ему не хватает.

Леонид ЛУБАНЬ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

БОЛЬШАЯ СИЛА

БОРЗОВ

ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

С. МАРИНАK Как себя вести

Медведя лет пяти-шести Учил, как себя вести:

— В гостях, медведь, Нельзя грубить и

чавкаться,

Флажом надо виняться,

Снимать пред ним шляпу,

Не наступать на лапу,

И не ходить на четырех,

Не надо чавкать и зевать,

А кто зевает вслух,

Тот должен лапой

прикрывать

Разинутую пасть.

Послушав будь и вежлив будь,

И уступай прохладу пить,

А старых уважай

И бабушку-медведицу

Совал куда не надо нос,

Топтал траву и мял ветвь,

Сиделся соседом —

Лиц

ПЕРЕВЕРНУТА последняя страница, книга прочитана, — и впечатление таково, будто в круг близких знакомых вошел еще один человек, чей образ тебе надолго запомнится...

Но главное даже не в этом, а в том, что за ним, здраво и сердечно изображенным героям романа, открывается очень многое: мы видим и широкие пласти народной жизни и сложные исторические пути и перепутья, на которых люди старшего поколения искали и находили большую правду века. Да, Андрей Лобанович, ставшийся главным героем и в новой, третьей, книге полесской трилогии Якуба Коласа «На перепутьях», — лицо по-настоящему типическое, образ, наполненный большим историческим содержанием, и уже по этому можно судить о ценности книги и о мере удачи автора.

Вряд ли кто-либо, желающий заглянуть в жизнь Белоруссии в первые десятилетия нашего века, сможет обойтись без трилогии Коласа. Критика по справедливости считает «На перепутьях» первым социальным романом в белорусской литературе (первая часть трилогии «Подесканская глупость» вышла в 1923 г., вторая часть «В глубине Полесья» — в 1927 г.). Последняя, завершающая часть трилогии, вышедшая в 1954—1955 гг. (а впрочем, последняя ли? Автор, кажется, сознательно оставил за собой возможность ее продолжения), еще более убеждает в том, что перед нами — произведение широкого социального-этического значения.

Нельзя подходить к этому полотну с требованиями, не учитывающими сущность авторского замысла. В трилогии немало живых ярких образов из среды белорусского крестьянства, среди них есть образы людей возмущенных, протестующих, борющихся, подобно Аксену Калю, но в целом это не роман о крестьянстве, первое

не Лобанович не только пишет, он и делает, делает все, что может, чтобы помочь устремленному трудуому люду. В лице Лобановича перед нами предстает живой образ самоотверженного труженика, и подвижника, каким был в старой деревне народный учитель, воодушевленный демократическими идеалами.

В глухом полесском селе — «веське», в тесной и ветхой школе, где неизменно заставлявшая в классах падала бревна, — настолько спарт и душен был воздух, — Андрей Лобанович с увлечением отдавался легкому педагогическому труду, умея по-человечески дружить со своими учениками и шаг за шагом готовить их к восприятию больших свободных мыслей.

Человеком передовых демократических воззрений Лобанович выступает и в своих суждениях по национальному вопросу. Когда ему, в том времени уже начинавшему журналисту и литератору, бургундскому националисту Лисковскому говорят, что, дескать, «не из азиатской же России идет культура» в Белоруссию и что на мыслях Андрея-де сказалось влияние «русской школы и русификаторства», — он горячо отвечает:

— Вы валите в одну кучу русскую школу и русификаторство. Русификаторство — самодержавная царская национальная политика. Не признаю ее, борюсь с самодержавием найденыши ты спасение свое. Если ты достаточно для этого созрела, ты пойдешь вслед за пролетариатом. Но созрела для этого — ты останешься под опе-дой кадетов...

Вся этот процесс постепенного, не свободного от внутренних противоречий, политического и духовного обновления героя, напряженно ищущего пути к наиболее эффективной борьбе с самодержавием, определяет содержание новой книги Коласа.

Вышедшему из народа и связанныому с ним многими крепкими нитями, Лобановичу все же пришло, — и это вовсе не парадокс, — трудными путями идти к народу, к его передовым борцам.

В конце второй части трилогии мы видим Андрея Лобановича (это было незабываемое 1905 год) составляющим от имени крестьянского союза петицию «граждану Скимуру» — крупному помещику. В петиции говорилось, что стремясь избежать «крайностей» (то есть самовольного захвата помещичьей земли и имущества), крестьяне требуют от помещика «по-добруму передать им часть имения и угодий». Но злой прирон судьбы именно то, что Лобанович был автором петиции, впоследствии спасло его от репрессий: сначала на земле Гоголя, Лермонтова, неповоротливого Ивана Андреевича Крылова, которого я очень люблю. Вот моя русская школа.

Ответ в высшей степени типический для прогрессивного интеллигента не только белорусской, но и других национальностей, живших в царской России. Ведь точно такие же ответы на этот вопрос давала демократия украинская, латышская, литовская, грузинская, армянская, азербайджанская, казахская — революционная демократия всех наших братских народов!

Весь роман Якуба Коласа пронизан мыслью о непрестанном, пусть и трудном, но захватывающем движении героя вперед, вперед вместе со всей жизнью.

Свежей и чистой молодостью веет от этого образа шумной дороги, по которой, где прямо, где в обход, все дальше и дальше вперед движется неутомимый путник.

«Ничего более интересного на свете», — говорит автор о днях своей юности в начале второй части последней книги трилогии, — не было тогда для меня, как приподнять завесу синих дали и заглянуть за ее рубежи. Там, думалось, я найду все ответы на вопросы, познаю тайны жизни. Жизнь же так сложна и так много в ней неожиданностей, крутых поворотов, что неизвестному юноше тяжело было разобраться во всем разнообразных проявлениях и оценить их так, как они того заслуживали. Вот почему так радостно было идти все дальше и дальше, чтобы изведать неизведанное, увидеть невиданное».

Так по-своему звучит в романе Коласа тема горьковских «Моих университетов», тема великой учебы жизни, которая за-кономерно вела демократически настроенного юношу, глубоко опущавшего свою кровную связь с народом, со всяческими перепутями на широкий и ясный путь. И сама композиция романа как бы отражает этот образ большой дороги, ведущей в солнечную даль: попадая из одного места в другое, ставляясь с разнообразным окружением, познавая одну жизненную среду за другой, герой все больше мужает в своем духовном развитии, все более умудренным взглядом смотрит на окружающую действительность. Встреча с большевиком Голубовичем становится кульминационным пунктом в этой сложной и богатой внутренним содержанием человеческой истории.

Мы почти все время говорили об образе главного героя романа — лица, кровно близкого автору (известная автографичность всей книги Якуба Коласа стоит вне всякого сомнения). Но, по существу, этому образу в книге все время сопутствует другой, значительно более широкий и сложный, образ народа. Из десятков лиц,

в которых мы уже много повидались и поняли. Не прошли для него даром ни участия в созыве нелегального учительского

Леонид НОВИЧЕНКО

Путь героя к народу

О трилогии Якуба Коласа
«На перепутьях»

съезда, ни последовавшие за этим скитания человека, «оставленного от места», ни дальнейшее углубленное знакомство с жизнями и горестами народной жизни, ни все более ясное понимание фальши вследствием либеральных «народолюбцев», с которыми пришлось ему встретиться, ни, наконец, три года тюрем — не миновало ее. Да, Андрей Лобанович, ставшийся главным героем и в новой, третьей, книге полесской трилогии Якуба Коласа «На перепутьях», — лицо по-настоящему типическое, образ, наполненный большим историческим содержанием, и уже по этому можно судить о ценности книги и о мере удачи автора.

Самым глубоким впечатлением, вынесенным им из трилогии, были беседы с революционным социал-демократом Голубовичем. И когда для Андрея кончились дни тюремной неволи, он первым делом вспомнил о завете Голубовича — вступить в текущий народный путь. Вместе с тем читатель понимает, что духовный рост героя так или иначе связан с ростом политического сознания самой трудовой массы.

Большое и зрелое мастерство вложено Коласом в третью книгу его трилогии. Именно здесь это произведение в полном смысле становится социальным романом, широко изображающим жизнь своего времени. Разнообразные типы из пестрой по своему составу среды деревенской и местечковой интеллигенции, крестьяне и крестьянские дети, круги «губернских» либерально-националистических горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пролетарских революционеров — все это изображено автором точно, выразительно, с прекрасным знанием тогдашней действительности. Неторопливо текущий сюжет в романе соответствует сходной манере показа людей, в подавляющем большинстве случаев чужих прямолинейности, авторской назойливости. Некоторым отрицающимся именем для Андрея становятся крестьяне и крестьянские дети; круги «губернских» горюхов и дельцов; тюремная среда и первые образы пр

В Вашингтоне

АМЕРИКА
И АМЕРИКАНЦЫ

Город Вашингтон — американец по существу и европеец по облику. По правде говоря, здесь гораздо чаще вспоминаются Париж и Прага, чем Нью-Йорк или Сан-Франциско. Сдержаный шум небольшого уличного движения катится мимо Капитолия, где заседает сенат и в нижних залах, среди статуй президентов, текут экскурсанты; мимо Белого дома — белого в прямом, а не в переносном смысле, — где живет президент и где у оград тоже маячат любопытствующие. На трамвайные рельсы падают красные листья каштанов, в скверах кормятся слизые голуби — не голуби мира, а самые обыкновенные, реклама держится на деревянных и чинно, как школьница, которая мечтает о хорошей отметке по поведению. Но утром сухой и холодный туман намекает, что лето уходит в отставку...

Приятели мы в Вашингтон не настолько вчера, перемахнув почтой весь континент. Пока аэродромная служба гадала, принимать нас или переподсчитывать кудахни будь в более безопасное место, мы болтались на виражах и, пользуясь даже этим не слишком удобным положением, пополняли запасные книжки. Лишились этого невысказательного утешения и гадали: как примут нас в этом городе конгрессменов, сенаторов, штабных генералов и иностранных послов?

Мы начали с того, что послали руководящим лицам американского правительства телеграммы с просьбой дать нам интервью. И мы полагали, что, в крайнем случае по мотивам величины, они примут нас, как при接纳了 руководителя Коммунистической партии и Советского правительства группу американских журналистов во главе с Херстом. Трудно было расчитывать лишь на встречу с президентом Эйзенхаузером, который только что встал после болезни.

«Затем мы нанесли визит Уильяму Дугласу, члену Верховного суда США. Он совершил большое путешествие по СССР, не скучился на комплименты советскому государственству и советским достижениям, но беседовал с глазу на глаз, отказавшись принять вместе с нами и американскими корреспондентами. Очевидно, уже тогда Уильям Дуглас предвидел близкое будущее, когда он круто переложит руль и станет ковать на советскую национальную политику.

Посещение редакции газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд» не оправдало дурной приметы — эта газета одна из наиболее влиятельных в США, и ее корреспонденты проявили почтительную широту взгляда. Нельзя сказать, что беседа была очень пространной, для этого просто не хватало времени ни при посещении редакции, ни на завтраке в отеле «Стэйтлер». Но в этот же день она была украшена дружественностью тела и живой непосредственностью в обмене мнениями. Редактор газеты Дж. Р. Виггинс выразил мысль, что в интересах укрепления взаимопонимания и сотрудничества следовало бы чаще практиковать поездки журналистов из страны в страну. Утром газета дала объективный отчет о встрече под заголовком: «Холодной водой нельзя погасить горячую войну». Родился этот заголовок из шутки А. Софронова, по поводу того, что, когда в начале завтрака Его спросили:

нужно было произносить тост, перед Б. Полевым оказалась только стакан воды со льдом.

Нельзя сказать об американской прессе более просто. Это пресса обширная, энергичная, шумная. Газеты и журналы принадлежат частным лицам и компаниям и вполне понятно, защищают в первую очередь частные интересы. По многим вопросам, в том числе международных отношений, выступления различных газет вызывают противоречивые мысли — в такой же мере, в каком противоречивы интересы самих компаний и монополий. Одни защищают интересы самой прессы, о которой в Америке говорят так много, словно опасаются, что никто этому вскоре не верит. Хочешь свободно высказываться — купи газету, не можешь — купи свою умную мысль у соседа. Имеешь газету — будь благородным и не бросай ее на более сильных, иначе — ущемят. А что касается критики действий правительства, критикой в своем удовольствие в той мере, в какой это подразумевалось для рекламы свободомыслия в прессе и ничего не меняет по существу, это — выпуск пары из перегретого котла в интересах бесперебойной работы машины. Однажды в Сан-Франциско, в переполненном зале, шла дискуссия между нами и американскими журналистами. Нам задали вопрос: свободна ли советская пресса и может ли она критиковать правительственные лица? Мы посоветовали поближе познакомиться с нашими газетами и сказали, что гораздо лучше нас могли бы ответить на этот вопрос некоторые министры — случались одним из них под влиянием критики решительно пересматривать методы своей работы, а другим и вовсе сдаваться. В свою очередь мы садали американских читателям вопрос:

— Можете ли вы критиковать вашего босса, вашего хозяина?

Наступила многозначительная пауза, в противоположном лагере шло спорное совещание, этакий военный совет в разгар боя. А затем аплодисментами и смехом.

Мы сочувствовали американским коллегам, но помочь ничем не могли — они попались в собственную ловушку. Ясного ответа на вопрос так и не по得到了, и в разговоре о свободе прессы в Советском Союзе американские журналисты потеряли всякий интерес.

Находясь в Америке, мы участвовали во многих дискуссиях — в гостях, на радио, в переполненных клубах, по телевидению. Мы приходили и садились за стол перед радиослушателями, зрителями и телеэректорами. Мы никогда заранее не знали, какой вопрос, в какую секунду и кому из нас будет задан. Дискуссии проходили живо, с шутками и остротами, вызывали огромный интерес и широкий отклик простых людей. И вот что любопытно — к концу нашего пребывания туман подозрительности и недоброжелательства, который иногда появлялся в самом начале, рассеивался, мы лучше видели и понимали друг друга.

В конце концов мы договорились с американскими коллегами, что при всех различиях у нас есть и общие задачи: бороться за объективность информации, за мирное разрешение спорных вопросов, за взаимопонимание между нашими народами и увеличение взаимных визитов. И в этом духе прошла наша пресс-конференция в Вашингтоне — конференция, на которой присутствовало пятьсот журналистов и корреспондентов, которые были открыты для встречи с президентом.

Да, есть в Америке и такие охотники за дешевой сенсацией, фальшивомонетчики от печати, крестоносцы «холодной войны», которые ради частных интересов, не задумываясь, проломят голову любой правде. Хорошо бы созвать международную конференцию журналистов для очистки прессы от таких позорищ ее приемов, но, вероятно, это дело отнюдь не слишком близкого будущего!

Меж тем наша жизнь в районе Белого дома текла своим порядком.

На второй день ответа на телеграммы, в которых мы просили руководящих правительственных лиц дать нам интервью, не было. Сопровождавшие лица утешали нас:

— Должны дать... В интересах взаимности!

Пригласили нас посмотреть фильмы об атомной энергии. Демонстрировались они в специальном здании, словно представляли несомненную опасность для окружающих. Фильмы были короткометражные. Первый, мультипликационный, в доступной для школьников форме рассказывал о том, что такое атом. Это было скучно. Второй рас-

вместе со своими родными в небольшом городке под Москвой. В октябре 1941 года городу было захвачено гитлеровскими войсками. Несколько месяцев пытались вернуть его, терзая горем и тревогой, ничего не знали о вашей судьбе. Когда, наконец, город был освобожден Советской Армией и Татьяна Алексеева добралась туда, — ей удалось узнать только, что ее родные и вы, маленькая Лада, вместе с другими советскими людьми увезены в немецкий тыл.

Так началась эта разлука, одна из самых горестных и кроточных разлук, какие может испытать человек. Только после окончания войны матеря узнала о том, что вы живы. Надежда, которая теплилась в ее сердце все эти годы, — бессмертная материнская надежда увидеть своего ребенка, — вспыхнула с новой силой. Но в 1948 году в Управлении по репатриации Татьяне Алексеевне сообщили, что ее Лада, которая к моменту окончания войны находилась на территории Западной Германии, была уважена оттуда в Англию и по постановлению английского суда отдана под опеку английскому подданному.

На основании какого закона девочка, у которой есть мать и сестра, девочка, которую матя так упорно, так мучительно разыскивала все эти годы, прошу помочь ее возвращению на родину? — на основании какого закона эта девочка отдана под опеку подданному другой страны?

В разных странах, милья Лада, законы, очевидно, бывают разными. Но есть закон, одинаковый для всех простых людей земли, в какой бы стране они ни жили. Он неписан в толстых книгах. Он начертан в человеческом сердце.

Это закон материнской любви.

Больше десяти лет назад, в феврале сорок пятого года, между СССР и Англией было заключено соглашение о репатриации, по которому английские власти должны были содействовать репатриации советских

— Что, так лучше получается?

— Как получается — меня не интересует... Важно, что все смотрят удивляются...

«Гвоздевым» журналисты называют самый острый материал в газете. Однажды мы посетили редакцию «Лос-Анджелес таймс». За день или два до этого редактор газеты Норман Чендлер с супругой прибыл в Ленинград. По забавному совпадению, когда мы осматривали типографию, с машиной сходил номер с первой его корреспонденцией. Никаких существенных наблюдений Норман Чендлер в Ленинграде сделать не успел. Но материалу его придали исключительное значение, поставили впереди страницы, снабдили заголовком о том, что в СССР трудно ездить, так как Норман Чендлеру пришлось ждать визы три месяца...

Это был «гвоздь» шляпкой книзу! Забывая его, редактор «Лос-Анджелес таймс» пал жертвой моды и поверхностного отношения к делу. Знай он, что наша делегация ожидала американских виз девять месяцев, он должен был бы сообщить, что уже только по одной этой причине нам в Америку ездить по крайней мере в три раза труднее.

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как базарный фокусник, — морочит головы простакам, чтобы его собеседники могли успешнее ловить серебряную рыбку в чужих карманах...

Когда мы, только что вернувшись домой, начали рассказывать о наших впечатлениях в «Нью-Йорк таймс» появился корреспондент Гарри Шварц, также только что вернувшимся из поездки по СССР. С совершенно серьезной миной Шварц утверждал, что видел в одном советском городе объявление: «Меняю одну жену сорок лет на две двадцатилетних». На этом основании Шварц втолковывал американским читателям, что в Советском Союзе по-прежнему распространено многоженство... Что можно сказать об этом? Только то, что Шварц, используя таким образом старый, дореволюционный анекдот, поступает, как баз